

О ранних следах рецепции Лицевого летописного свода

К.Ю. Ерусалимский

Доктор исторических наук, профессор РГГУ.

Настоящая статья посвящена специальной проблеме соединения различных исторических, филологических, текстологических, кодификационных и искусствоведческих подходов. Также в данной статье рассматривается многовековая традиция изучения Лицевого летописного свода в отечественной науке с привлечением аргументации порой спорящих между собой авторов, чтоб продемонстрировать читателю, какого широкого круга проблем касается избранная тема.

Ключевые слова: Летописный свод, рецепция, традиция изучения.

Для цитаты: Ерусалимский К.Ю. О ранних следах рецепции Лицевого летописного свода [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2014. №3. URL: [http:// langpsy.ru/journal/2014/2/Erusalimskiy.phtml](http://langpsy.ru/journal/2014/2/Erusalimskiy.phtml) (дата обращения: дд.мм.гггг)
Erusalimskiy K.JY Early traces the reception Personal chronicle [elektronnyj resurs «Jazik I tekst langpsy.ru», E-journal «Language and Text langpsy.ru», 2014. no. 3. Available at: [http:// langpsy.ru/journal/2014/2/Erusalimskiy.phtml](http://langpsy.ru/journal/2014/2/Erusalimskiy.phtml) (Accessed dd.mm.yyyu)

Время и место возникновения свода

Комплексное источниковедческое исследование Лицевого летописного свода (далее – ЛЛС) проводилось за последнее время неоднократно и еще в советское время привело к дискуссии, длящейся до сих пор. Один из активных дискуссионщиков, А.А. Амосов, умер в 1996 г., однако разногласия не сглажены и потребность в продолжении дискуссии сохраняется. Расхождения между кодикологическими концепциями Б.М. Клосса и А.А. Амосова – скорее в деталях, но значимость деталей в кодикологии, конечно, весьма велика. Прежде всего, спор вызывает время возникновения и завершения ЛЛС. Б.М. Клосс считает, что работы над ним проводились в 1568–1576 гг. в Александровой слободе. Для нижней даты в этом построении основанием служат данные филиграней и почерков в Соловецких Минях 7076–7077 гг., находящих аналоги в ЛЛС. Верхняя дата соответствует моменту создания в Александровой слободе Псалтири Андроника Невежи, на которую, по мнению исследователя, была передана часть неиспользованной в ЛЛС бумаги. С этими данными согласуется упоминание в описи Царского архива того, что в августе 7076 (1568) г. «летописец и тетради посланы ко господарю в Слободу» (возможно – летописец «лет новых» за 7068–7074 и за 7075–7076 гг.) . В пользу нижней границы датировки, отстоящей по времени от последних сообщений русской части ЛЛС, говорит также манера подготовительных работ его создателей: перед началом работы были отобраны источники, в которых были размечены воском и карандашом фрагменты текста, места вставок и т. д.

А.А. Амосов, в целом, принимает аргументацию Б.М. Клосса, но со ссылкой на появление сходных с начальной частью ЛЛС водяных знаков лишь в конечных пластах Миней считает, что начало работ над ЛЛС может быть отнесено ко времени «не ранее 1569 г.», а конец работ – перенесен на период после напечатания Псалтири, которая требовала большего объема бумаги, чем ЛЛС, а следовательно, сходная бумага ЛЛС и Псалтири была сначала использована именно для Псалтири . Ряд других оснований А.А. Амосов привел в пользу своей точки зрения

(развивающей концепцию Н.П. Лихачева, Е.С. Сизова и С.О. Шмидта). Появление в Москве бумаги ЛЛС с водяным знаком «Двойная лилия», по его мнению, относится к 1574 г. Сравнение водяных знаков в ЛЛС и в Псалтири и Часовнике Невежи (знаков “IR” под короной и “BF” под короной) показало, что работа над ЛЛС активно велась около декабря 1576 г., а завершение работы над Царственной книгой ЛЛС (ГИМ. Син. № 149 (далее – Ц)) относится к середине – второй половине 1570-х гг. (хотя Амосов не предлагает здесь более точной датировки, можно предположить, что он подтверждает своими выводами общий тезис о завершении работы около 1580 г.) . Не мог быть ранее середины 1570-х гг. закончен Синодальный том (ГИМ. Син. № 962 (далее – С)) . Окончание работы над Хронографической частью свода А.А. Амосов относит к рубежу 70-х – 80-х гг. XVI в. на основании датировки вставных листов с монограммой “AF” без короны в Хронографическом сборнике (БАН. 17.17.9 (далее – ХС)) 1580-м годом . До середины XVII в. отдельные листы ЛЛС не переплетались, а тома в современном виде неточно отражают ход работ над целым памятником. А.А. Амосов выстроил последовательность использования бумаги с водяными знаками одной группы в «Большой пасьянс», начиная с Музейского сборника (ГИМ. Муз. № 358 (далее – МС)) и вплоть до Шумиловского тома (РНБ. ОСРК. F.IV.232 (далее – Ш)). Это позволило исследователю представить ход вовлечения стоп бумаги одного типа по мере продвижения работ от разделов, посвященных древнейшей истории, до времени правления Ивана IV .

При переиздании Никоновской летописи Б.М. Клосс обобщенно опроверг построения Н.П. Лихачева и А.А. Амосова, заметив, что «в работе Н.П. Лихачева имеются слабости методического характера, а у А.А. Амосова очевидно стремление «подогнать» выводы под желаемый результат, что лишает его исследование объективности» . Несмотря на такую жесткую оценку точки зрения оппонента, подробного разбора его построения в этой работе мы не обнаружим. Приведены аргументы лишь в пользу того, что в начале 1580-х гг. ЛЛС не мог составляться в силу изменившегося исторического контекста. К таким изменениям Б.М. Клосс относит хозяйственное разорение и поражение в войне, лишаящие смысла, по мнению исследователя, возвеличивание Российского царства и высказывания о страхе «безверных» народов, Крыма, Литвы и «Немцев». Не могла возникнуть в начале 1580-х гг., по мнению Б.М. Клосса, приписка 7055 г. о Нагих, поскольку Нагие были близки к царю. Наконец, внесение в ЛЛС дополнений о боярском произволе шло вразрез с покаянной политикой Ивана IV в начале 1580-х гг. и фактом составления Синодика опальных. Содержательный аргумент касается перечня погребений кремлевского Архангельского собора в Ш, который, по мнению автора, мог быть составлен только между 1569 и 1573 гг.

Данные аргументы расшатывают версию, восходящую к концепции Н.П. Лихачева. Насколько они убедительны? Во-первых, можно было бы заметить, что содержание ЛЛС отражает замысел не начала 1580-х гг., а более раннего периода правления Ивана IV, однако даже при этом датировке Б.М. Клосса могут быть противопоставлены надежды Ивана IV на победу над всеми «видимыми и невидимыми» врагами, которые не исчезали вплоть до осени – зимы 1581 г. Впрочем, в полной мере они не покидали царя и после Псковского похода Стефана Батория. Идеология диктовала свою логику повествования, а ЛЛС – не только «историческая энциклопедия», но и памятник царской идеологии, поэтому можно было бы предположить, что ЛЛС выражает взгляды, несоответствующие военно-политической и дипломатической ситуации. Во-вторых, приписки содержат «компромат» не только на Нагих, но и на другие приближенные к трону фамилии – среди них князья Шуйские и Захарьины. Если справедливо предположение, что к припискам причастен сам Иван IV, то можно предположить и то, что царь создавал в своих приписках дурную репутацию даже своим фаворитам.

Наконец, тезис о появлении в ЛЛС Сказания о перезахоронении мос-ковских великих и удельных князей погребений между 1569 и 1573 гг. вызывает сомнения. Анализ водяных знаков не показал отличия знаков Сказания от тех, которые встречаются в ЛЛС. Аргумент Б.М. Клосса о двукратном упоминании в списке брата Ивана IV, Юрия Васильевича, необязательно

говорит о редакторской переработке списка, в котором сначала будто бы Юрий упоминался лишь однажды. Наконец, даже если бы список возник как вставка, из этого прямо не следовало бы, что «работа над основной частью Лицевого свода была закончена между 1574 и 1581 гг.». В то же время в Ш говорится о захоронении рядом с Владимиром Андреевичем Старицким: «а возлѣ княза Володимера Андрѣевича положиша кнѣза Василѣа Володимировича». В силе остается аргумент Е.С. Сизова: эти слова относятся к умершему в 1574 г. сыну старицкого князя Владимира Андреевича, и поскольку в списке погребений Ш не говорится о царевиче Иване Ивановиче, умершем в ноябре 1581 г., правильно было бы датировать возникновение Ш временем между 1574 и ноябрем 1581 г. Недавно эта датировка записи о погребениях подтверждена В.В. Морозовым в его исследовании работы миниатюристов: догадки о вставном характере этой записи в составе Ш были отведены. Впрочем, с одной стороны, необязателен вывод В.В. Морозова о том, что новая и низкокачественная («весьма грубая») бумага, использованная для составления Ц, пришла на смену первоначальным запасам, подготовленным для изображения правления Василия III и Ивана IV и сохранившимся еще в 1574 г., «значительно позже 1574 г.»: бумаговедческий аргумент В.В. Морозова и дата «1574 год» могут не противоречить датировкам Б.М. Клосса. Однако, с другой стороны, приведенный самим Б.М. Клоссом аргумент вряд ли «подрывает тезис А.А. Амосова о том, что летописная (русская) часть Лицевого свода могла писаться лишь во второй половине 1570-х годов». О том, что летописная часть ЛЛС «могла писаться лишь во второй половине 1570-х годов», А.А. Амосов и не говорит, допуская и более раннюю датировку начала работ – близкую к той, которую предложил Б.М. Клосс.

Недавно Е.В. Уханова провела полистное исследование филигранных всех ныне известных томов ЛЛС, пересмотрев выводы предшественников и развив предположения, высказанные еще в конце XIX в. Н.П. Лихачевым и В.Н. Щепкиным. Было обнаружено 104 разновидности водяных знаков. Все выявленные знаки были расположены в единой системе, существенный элемент которой представляют бумажные знаки «рамочных» томов свода: в МС начальная часть листов содержит филигранные, не имеющие аналогов с другими разделами ЛЛС, некоторые знаки дальнейших листов рукописи встречаются в ХС и т. д., причем в Ц листы, дублирующие текст С, частично написаны на бумаге, которая также не встречается в других разделах ЛЛС. Е.В. Уханова принимает концепцию Б.М. Клосса и доказывает ее состоятельность новым филиграноведческим анализом ЛЛС. При этом не приводятся новых данных, которые помогли бы опровергнуть концепцию А.А. Амосова, а сама критикуемая концепция подвергается своеобразному остракизму. А.А. Амосов известен своей идеей о степенях сходства водяных знаков. Е.В. Уханова критикует эту концепцию за ее «произвольные определения» и «доморощенные формулы». Вместо подсчетов хронологических диапазонов бытования бумаги с одним знаком Е.В. Уханова придерживается предложенной Б.М. Клоссом классификации бумаги ЛЛС по ее происхождению на три типа: 1) итальянская и немецкая; 2) французская, приобретенная специально для ЛЛС; 3) французская, приобретенная для печатных изданий А. Невежи. При этом предложено датировать только те комплексы бумаги, в которых встречаются знаки, степень близости которых с датированными знаками из альбомов оценивается как «значительно высокая». Это решение, с одной стороны, требует не «доморощенного» раскрытия того, что означает «значительно высокая» степень близости. В чем критерий для такой оценки? С другой стороны, исследователи бумаги русской книжности уже многократно и задолго до Е.В. Ухановой выступали с критикой метода хронологических диапазонов и отмечали неясность приложения датировок водяных знаков бумаги, использованной в Европе, к аналогам, обнаруживаемым на бумаге, использованной в России.

Данное исследование – на сегодня самое полное описание бумаги свода, но, во-первых, изучены далеко не все знаки, содержащиеся на листах рукописей: многие из них рассмотреть не удалось. Во-вторых, как признает и сама Е.В. Уханова, выводы филигранологического анализа должны быть использованы и интерпретированы в рамках комплексного источниковедческого исследования. Но именно при переходе на уровень систематизации всех

известных данных о времени и месте возникновения ЛЛС возникают дискуссии, в которых филиграноведческие наблюдения оказываются не только основой, но и объектом интерпретации. На сегодня сохраняют актуальность точки зрения, согласно которым бумага закупалась специально для ЛЛС и лишь ее остатки использовались в делопроизводстве, тогда как начало и завершение работ над сводом упирается в факт уникальных водяных знаков в его начальных (МС) и заключительных (Ц) разделах.

Первая ссылка на Лицевой свод?

В Первую посольскую книгу сношений с Папским двором внесена за-пись о том, как в сентябре 1581 г. римский легат Антонио Поссевино полу-чил от Ивана IV его подробный ответ на обширное послание польского короля Стефана Батория, составленное в начале августа 1581 г. в военном лагере на пути к Пскову при активном участии канцлера Яна ЗамоЙского и переданное адресату гонцом Матвеем Проворским. Послание короля «в тетратех с укоризною» было скопировано в «литовских книгах» Посольского приказа. Вместе с письмом царь получил сочинения Герберштейна, Гваньини и Кранция. Они не вошли в посольские книги и даже не были упомянуты при вручении римскому легату ответного письма царя, но возможно, хранились в приказной библиотеке, где и в XVII в. было немало литовских книг.

В доказательство своей правоты в развязавшейся войне Стефан Бато-рий выбрал «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна, «Описание Европейской Сарматии» Александра Гваньини и, возможно, «Вандалию» Альберта Кранция (Кранца). Судя по ответу Ивана IV, ему были присланы три трактата под одним переплетом: «А что прислал к нам книгу свою, и мы коли вычтем, тогда тому и ответ учиним». Широкая историческая ретроспектива и антимосковский тираноборческий пафос присланных текстов требовали от царя усилия по подготовке контраргументации, основанной на московской версии событий древности и недавнего прошлого.

Ответ царя отдан римскому легату не ранее 14 сентября 1581 г., уже после церемонии «отпуска» (12 сентября). В своем послании царь, как и его противник, не скупится и на словесную брань. Однако в тоне письма заметен пессимизм и готовность отказаться от заветных притязаний московской дипломатии, в том числе – от царского титула и восходящей к «Сказанию о князьях владимирских» и хронографическим текстам уверенности в своем праве на «всю вселенную», на которое царь ссылался еще в своем послании от 9 июля 1577 г., направленном из Пскова старосте вольмарскому и зегевольдскому кн. А.И. Полубенскому. На сей раз Псков осажден вражеским войском, и отвечая Баторию и римскому престолу, Иван IV пишет: «И не мъне коли уж переменятись и на большое государство хотети. Мы в будущем восприятия малого хотим, а здешнего господства всея вселенные не хотим». На смену идее всемирной империи приходит представление о самодержавии русских великих князей в своей отдельной, исконно принадлежавшей им стране. И за этим риторическим маневром кроется еще один укол в адрес Стефана Батория. Русским государям, не в пример королю, престол передан 600-летней историей от Рюрика Новгородского и Владимира, правителя «всей Русской земли», они и их государство известны всей вселенной, никто не позволял себе высокомерно с ними обращаться. В этом контексте звучат напоминания: «Да и тв б Стеван корол попометовал, каков был Ягаило, и Олгердь, и Витофть, и Касимер? И каковы они были высоки над нашими прародители? И он бы нам о том вѣдомо учинил и грамоты покасал. И ка-ковы их станы были? А в лѣте шесть тысящъ шестьсот в шестьдесятм княз великїи Исяслав Мстиславич Смоленскїи ходил на великог(о) кнѣса Володи-мерка Галичского. А с ним сят его корол угорскои. А свал корол угорскои великог(о) кнѣза Исяслава штцом. И побии твгды Володимерка на рекѣ на Сану. И то тогда каков стан был великих кнѣзеи киевскихъ нѣших прародителии и полских королеи, и каковы полские короли с угорским королем, то вам вѣдомо».

При составлении этого исторического ехемплум был использован текст, близкий к статье 6660 г. Ипатьевской летописи, Воскресенской летописи (далее – ВЛ) и ЛЛС, о чем говорит фраза «А звал король угорский великого князя Изяслава отцом», относящаяся к обращению венгерского короля к Изяславу: «Ўче! Кланаю ти са», которой нет в тексте Никоновской (далее – НЛ) и сходных с нею летописях. А.Е. Пресняков доказал, что источником дополнений записей НЛ ЛЛС за 1114–1252 гг., входящих в состав Голицынского и Лаптевского томов (соответственно, РНБ. ОСПК F.IV.225 (далее – Г) и РНБ. ОСПК F.IV.233 (далее – Л)), в 48 случаях послужила ВЛ. Чаще всего использовалась ВЛ для дополнения сведений НЛ и далее по тексту ЛЛС, вплоть до событий 1530-х гг. Ш. В.В. Морозов обнаружил в ЛЛС более 110 заимствований из ВЛ, и среди них отметил рассказ о событиях 6660 г. Кроме того, ВЛ 3-й редакции, по его наблюдениям, послужила источником ЛЛС и в истории 1520–1541 гг. Вопрос о том, какие летописи использовал Иван Грозный для составления своих посланий еще нуждается в решении: к 1581 г. в его распоряжении могли быть и списки ВЛ, и ЛЛС.

В нынешнем виде в Г нарушена хронологическая последовательность повествования, и после л. 196, содержащего описание русской истории за 6657 г. и обрывающегося на словах «и на заоутрѣ кнзь велики Юрьи Владимерич Маномашъ приступи ко граду и выходящим пѣшим боицем из града и мншга», следует л. 197, на котором повествование начинается с сообщения за 6681 г. со слов «в лѣто 6681 иде кнзь Мстиславъ Ростиславичъ с новгородцы ратю на Полтескъ». Пометы на л. 197, возможно, рукой XVII в., указывают на недостачу записей за 31 год («тридесат ѿдного году нѣт») и сосредоточены на нашествии Батыя на русские земли («Российской землѣ») в 6745 г. Недостающий раздел вошел в Лаптевский том ЛЛС (далее – Л). Здесь оказались отрывки из русской истории за 6624–6625 (1116–1117), 6657–6733 (1149–1225), 6749–6759 (1241–1252) гг.

Великий князь Изяслав Мстиславич, приходившийся венгерскому ко-ролю Гейзе II шурином, неслучайно определен по своему Смоленскому княжеству – это в очередной раз подчеркивало древнюю принадлежность Смоленска предкам московских великих князей. Впрочем, «прародителем» московских государей Изяслав мог считаться лишь условно, по принципу наследования верховной власти в Русской земле от Киева к Москве. Пример Изяслава Мстиславича был неудачен с точки зрения генеалогической преемственности: князь Изяслав враждовал с подлинным прародителем Ивана IV Юрием Владимировичем Долгоруким и как раз незадолго до галичского похода разорил его городок Юрьев.

Факты династического родства и совместной победы киевского великого князя и венгерского короля над галичским князем призваны возвысить предшественников царя над предшественниками Стефана Батория, которыми, также в обход генеалогии, названы потомки Ягелло. Можно предположить, что в царском послании содержится намек на актуальный международный статус упомянутых территорий, спроецированный на события XII в. Победа предков Ивана IV и младшего по отношению к ним предшественника имперских Габсбургов над Галичем, входящим на 1581 г. в Корону Польскую, должна была показать низкий статус Стефана Батория и Речи Посполитой по сравнению с Венгрией и тем более по сравнению с Московским государством. С другой стороны, зависимость венгерского короля от русского князя проецировалась на «меру» трансильванского князя Стефана по отношению к Ивану IV – царю от «великих князей киевских». Таким образом, источник, близкий к ЛЛС, пришелся кстати к той ситуации, в которой Иван IV, нарушая принятые в северо-восточном русском летописании традиции и конструируя преемственность власти московских великих князей от киевских, сформулировал идею исконной подчиненности и зависимости венгерских королей от киевских князей.

Опорой для этого построения служила летописная запись, сходная с ВЛ и ЛЛС. Нынешнее состояние Г и Л показывает, что листы с описанием битвы на р. Сане хранились не на своем месте, и какой-то ранний редактор ЛЛС сделал помету об отсутствии листов за 31 год на л. 197 нынешнего Г. Возможно, нарушение порядка листов ЛЛС в этом месте было вызвано

поиском необходимой информации для подготовки дипломатического послания в сентябре 1581 г. С другой стороны, отрывок о походе Изяслава Мстиславича на Володимирка Галичского демонстрирует одно из вкраплений ВЛ в составе ЛЛС, и такое совпадение наводит на мысль о большей вероятности заимствования отрывка для послания именно из ЛЛС, а не из ВЛ (менее вероятно в данном случае текстологическая гипотеза о влиянии послания Ивана IV Стефану Баторию от сентября 1581 г. на текст ЛЛС). Таким образом, наиболее экономным, хотя не единственно возможным, является вывод об использовании именно ЛЛС при написании сентябрьского послания Ивана IV 1581 г. Если это так, перед нами один из самых ранних датированных случаев обращения к ЛЛС в литературе XVI в. Именно Поссевино должен был свидетельствовать перед королем о тех аргументах, которые приводил царь в свою пользу. При этом, как и ранее, в периоды успехов царской дипломатии, в обоснование исконности царского титула русских великих князей приводились иконы с изображением Владимира Святославича в царском венце, так и теперь, в ухудшающейся для царя дипломатической обстановке, аргументом мог служить визуальный ряд – на сей раз миниатюры ЛЛС.

Курбскиана и Лицевой свод

Не меньше трудностей остается в вопросе о соотношении ЛЛС с Перепиской Ивана Грозного и А.М. Курбского. Прежде всего, обратим внимание, что дискуссия о происхождении общего чтения для Первого послания Курбского (далее – ППК) и послания Исаяи Каменец-Подольского о крови, пролитой, «аки вода», содержит текстовую и семантическую параллель с ЛЛС, о которой ранее не говорилось. В выделенном киноварью разделе, посвященном императору Феодосию и епископу Амвросию Медиоланскому, повествуется о том, как Сатана «вверже» добродетельного и благочестивого императора Феодосия «в сурово и безчеловечно кровопролитие». Речь идет о вводе императорского войска в Солунь, где попытка поста закончилась мятежом горожан. Царь, узнав о мятеже и смерти части своих бояр, «зело разярился, епарха града того повеле посети». Затем царь «яростию подвигъся, неправедно оружие обнажи» и «безо всякого испытания» повелел убить 7 тыс. горожан. Приехав в Рим после этого, Феодосий получил отповедь от Амвросия у входа в церковь, отголоски которой заметны в ППК и в послании Исаяи (впрочем, прямых текстологических совпадений нет или почти нет): «Не разумеши ли, о царю, еже сотворил еси таковое убиство великое! И не остави ты тленнаго царствия, власть разумети, таковое величество греха. Разумей, убо, яко мало временно есть твое царство, о нем же помале слово воздаси Цареви царствующим. Которыма очима узриши общаго Владыкы церковь? Которыма ногама въступиши на святыи помост? Како руце воздежеша каплющи еще крови неповиннаго убиства? Како ж такими руками приимеши тело владычне? Како же и усты приимеши честную кровь, иж толику кровь изливав беззаконно, яростию подвигъся единого ради слова? Обаче отоиди и не тщиися вторым перьвое умножити беззаконие! Приими союз убог! Свыше есть Свидетель сих».

Согласно ЛЛС, Феодосий после этой речи целый месяц каялся и пла-кал. А Амвросий добился от царя обязательства не решать дела «яростию» и рассматривать «всякия людския дела крамолныя» не менее 30 дней, после чего допустил царя в церковь, но только «ниц на земли лежа и с воплем зывати». Сама эта идейная конструкция напоминает рамку «Истории» Курбского, намеченную еще в ППК, а совпадения отдельных слов и словосочетаний позволяет предположить опосредованную связь между сочинениями князя и ЛЛС. Призывая царя к покаянию, кн. А.М. Курбский отсылает его к тем идеалам мудрого и смиренного правления, которые однажды отстаивал епископ Амвросий.

Специального исследования заслуживает вопрос о взаимной зависимости между «Историей» А.М. Курбского и ЛЛС, который мы можем переформулировать после того, как проведено исследование рукописной традиции, рефлексов и рецепции «сборников Курбского». Еще С.Б. Веселовский высказывал предположение, что приписки к Царственной книге служили

частью идейного противостояния Ивана Грозного с кн. А.М. Курбским. Эта гипотеза в различных ее версиях была поддержана Д.Н. Альшицем, Р.Г. Скрынниковым, А.А. Зиминим, датировавшими приписки 1560-ми гг. С.О. Шмидт возродил концепцию Н.П. Лихачева, допустив, что на приписках могла отразиться реакция царя не на Первое послание Курбского, а на его «Историю», которую С.О. Шмидт датировал 1570-ми гг. Данная концепция была поддержана А.А. Амосовым и В.В. Морозовым, хотя новых аргументов в ее пользу исследователями предложено не было. В целом, речь может идти лишь о том, что комплекс наблюдений за сходствами приписок и Первого послания Ивана Грозного Андрею Курбскому потребовал реинтерпретации в связи с переносом датировки ЛЛС на более позднюю дату.

Эта точка зрения нуждается в уточнении. Как я старался показать в своей работе, Сборник Курбского открывался «Историей» и существовал в двух ранних версиях – с текстовым набором типа РГБ Тихонравовского № 639 и текстовым набором типа ГИМ Уваровского № 301. В любом случае, речь должна идти о том, что «История» не существовала в ранней традиции в отрыве от поздних текстов, вышедших из книгописной мастерской А.М. Курбского. В краткой версии Сборник мог возникнуть не ранее сентября – октября 1579 г. В полной – не ранее весны 1582 г. Маловероятно, что до этого времени «История о князя великого московского делех» как готовый текст могла бытовать – по крайней мере, следов ее бытования в отрывках, отдельных повестях, пересказах не обнаружено.

В связи с этой проблемой наше внимание привлекают миниатюры ЛЛС, на которых изображен А.М. Курбский. Текст официальной летописи о его побеге вписывается в общую линию обличения «измены» и «недоброхотства» великим князьям и Ивану IV в ЛЛС. Однако в отличие от образа князя Владимира Андреевича, фигура Курбского в ЛЛС не подвергалась переработке. Среди прочих на л. 619 Царственной книги (ГИМ Син. № 149) сохранилась миниатюра, на которой переданы события, описанные и в официальном летописании, и в «Истории» Курбского, причем в Летописце начала царства (далее – ЛНЦ), ЛЛС и Александро-Невской летописи (далее – АНЛ) почти идентично (далее цит. ЛЛС и АНЛ): «А воеводы кнѣзь Шндрѣи Михаиловичь Коурбьскои выеде из города и всѣд на конь и гна по них, и прѣехавъ во всехъ в них; шни же его с коня збивъ и его сѣкоша мнѣжество и преидоша по немъ замерѣтваго [ЛНЦ: замертво; Патр.: замертвово] мнѣгѣ, но бжѣим млбрдѣемъ послѣди оздравелъ, татарове же побѣжаша на рознь к лѣсоу».

В целом, миниатюра ЛЛС близка к тексту. На ней изображен князь, выезжающий из города (в нижнем левом углу), затем он преследует татар с высоко поднятой саблей (в центре), и вот он уже без сабли среди врагов (правее ниже) и падает под копыта коня (в нижнем правом углу). «История» Курбского или какой-либо другой текст в данном случае вряд ли мог служить дополнительным источником для миниатюристов. Эта сцена битвы передана в «Истории о князя великого московского делех» несколько иначе. Здесь князь делает выразительное отступление, ссылаясь на свой подвиг как на признанный факт, результат дарованного ему Богом «духа храбрости». Отличие СК от текста ЛНЦ и всех его последующих версий, прежде всего, в том, что герои Курбского – «мы». Подробности боя также существенны: конь героя трижды врывался в татарский строй: «И в четвертый раз зело ранен повалился в середине их со мною и уже от великих ран не помятаю вящеи. Очкнувжеса уже потом аки по мале године, аки над мертвецом плачущим и рыдающим двема слугам моим надо мною стоящим и другим двема воином царским». Позднее князь узнал, что остатки его полка не успели за ним и не ворвались в татарские ряды, а лишь схлестнулись с первыми отходящими воинами. Сведения «Истории» значительно превосходят состав летописной записи, и следов ее влияния на летопись или миниатюру ЛЛС не обнаруживается.

Александро-Невская и Лебедевская летописи

Уже И.Н. Жданов был близок к пониманию связи между АНЛ, Лебедевской летописью

(далее – ЛЛ) и ЛЛС, однако заметил сходство в дате за-вершения «летописца и тетрадей», хранившихся в Царском архиве, только с АНЛ (7076 г. от С. М.). Тогда же А.Н. Ясинский показал, что Царственная книга и Никоновская летопись восходят к «официальной московской летописи». А.Е. Пресняков доказал, что АНЛ является промежуточной редакцией между «Никоновской с рисунками» и «Царственной книгой», т. е. в ней отразились не все редакторские вторжения Ц в исходный текст ЛЛС. Вывод о том, что вероятно восхождение ЛЛ к ЛЛС и несомненно восхождение АНЛ к ЛЛС, подтвердил А.А. Шахматов и развил А.Е. Пресняков, доказав исконное единство ЛЛ и АНЛ. По словам Преснякова, согласно фолиации данных кодексов, АНЛ является «пятым томом» ЛЛ, «хотя, по содержанию, ее место было бы между 3 и 4 томами». Причем ЛЛ-АНЛ передают тот вид ЛЛС, который приняли отдельные листы свода ко времени их копирования в первой половине XVII в. («ко времени копии существовал уже только дефектный и перепутанный экземпляр лицевого свода»). С.Ф. Платонов отказывался использовать АНЛ в разночтениях тексту Никоновского свода, так как допускал, что АНЛ могла быть скопирована не только с ЛЛС, но и с «иных редакций лицевого свода, нам неизвестных». А.А. Амосов и В.В. Морозов согласились с тем, что АНЛ и ЛЛ отражают промежуточное положение между С и Ц. Заимствования в АНЛ/ЛЛ из С и Ц показывают, что непереработанные в Ц листы С могли как уже существовать (и в этом случае редактор проводил отбор и в разделах за 1536–1542 гг. отдавал предпочтение С), так и быть еще в работе на момент составления протографа АНЛ/ЛЛ (и в этом случае в рас-порядке редактора переработанных в Ц сюжетов С за те же годы еще не было).

Предназначение протографа ЛЛ и АНЛ требует дополнительных поисков и включения в историю летописания последних лет правления Ивана IV и первых лет царствования Федора Ивановича. Описание венчания царя Федора и царицы Ирины на л. 538–553 АНЛ является убедительным аргументом в пользу существования продолжения ЛЛС до первых лет правления царя Федора Ивановича (июль 7093 г.). М.М. Щербатов использовал оригинальную версию этого окончания ЛЛС. Н.П. Лихачев гипотетически разрешил противоречие между данными водяных знаков и фактом существования листов с миниатюрами венчания Федора и Ирины на царство, предположив, что эти листы были искусственно присоединены к первоначальному объему ЛЛС. К мнению Лихачева присоединился А.Е. Пресняков. Однако если мы отнесем окончание основных работ над ЛЛС ко второй половине 1570-х – началу 1580-х гг., возвращение к работам по составлению ЛЛС около 1584 г. не будет сильно отстоять от этого времени, тогда как завершение информации ЛЛС событиями 1567 г. уже не является аргументом в пользу более ранней даты завершения основных работ над ЛЛС, поскольку около этого года, возможно, официальное летописание в России было, в целом, остановлено и между появлением последних данных основного информационного потока ЛЛС и их обработкой составителями свода могли пройти и месяцы, и годы.

Редакторы миниатюр

Согласно концепции О.И. Подобедовой, «побудительными причинами» создания ЛЛС было венчание Ивана IV на царство, восстановительные работы в Московском Кремле после пожара 1547 г., становление идеологии «верноподданничества». Эти предполагаемые основания для формирования памятника взаимосвязаны с датировкой его рукописного комплекса в границах 1547–1568 гг. и тезисом об участии в его создании царских книжников, артели митрополита Макария, А.Ф. Адашева, благовещенского протопопа Сильвестра и И.М. Висковатого. На мой взгляд, идеологические акции последних лет правления Ивана IV тоже позволяют ответить на вопрос о причинах как создания, так и неостребованности ЛЛС. Неоднократно обращалось внимание на направления редактирования его миниатюр и текста, и истолкование этих вторжений в первоначальный замысел позволяет исследователям судить и о самом замысле, и о недочетах при его реализации.

Важными источниками для этих построений служат С и Ц. Еще А.Е. Пресняков отмечал, что в Ц титул «брат» применительно к старицкому князю Владимиру Андреевичу не только не используется, но последовательно устранен во всех случаях, когда в источниках ЛЛС он был. Особенностью Ц стало также расширение участия Ивана IV в событиях его царствования. Как показал С.О. Шмидт, миниатюра, изображающая в Синодальном томе казнь дьяка Федора Мишурина, была переработана и вновь появилась в Ц, на сей раз с образом восьмилетнего великого князя. В ряде случаев повышался статус мероприятий великого князя при переработке миниатюр.

В.В. Морозов дополнил эти открытия новыми – недовольство редактора вызвало присутствие на миниатюрах Ивана Ивановича Молодого рядом с Иваном III. Его изображение в сценах совместного с отцом принятия решений на миниатюрах Ш на раннем этапе бытования ЛЛС замарано. Причем эта работа была выполнена настолько старательно, что исправленные миниатюры сохранили свой парадный вид. Исследователь связывает эту доработку с династическим кризисом рубежа XV–XVI вв., венчанием сына Ивана Ивановича, Дмитрия, на великое княжение и последующим его смещением с престола, заключением и приходом к власти Василия III. В летописном сказании «О принесении мощей чудотворца Петра в новую церковь» устранить Ивана Ивановича было невозможно, да и не требовалось, поскольку он выступает там лишь одним из действующих лиц в церемонии, теряется среди других ее участников. На миниатюрах Ш затерты великокняжеские шапки над головами Ивана III, его брата Андрея Меньшого и сына Ивана Ивановича. Если устранение княжеских головных уборов после благословения митрополита Геронтия на перенесение мощей св. Петра, а затем мощей князя Юрия Даниловича и митрополита Филиппа можно истолковать как знак преклонения князей перед мощами, то на изображении утрени над мощами св. Петра оба великих князя первоначально были изображены в великокняжеских шапках, но позднее над Иваном Ивановичем головной убор был затерт и переправлен на шевелюру. Однако переработка миниатюр была проведена несистематично, вчерне.

Одним из острых вопросов, послуживших основанием для негодования царя и переработки последних разделов ЛЛС, были изображения его и его отца без царских венцов. В.В. Морозов систематически пересмотрел изображения Ивана IV в Ш, С и Ц и пришел к выводу о регулярной переработке первой версии миниатюр, на которых Иван IV изображался до 1547 г. без царского венца, и о включении в состав ЛЛС одновременно с готовыми миниатюрами первой версии новых листов, на которых Иван был изображен в царском венце с момента своего рождения. Я. Лехтовирта показал, как миниатюристы, визуализируя венчание на царство Ивана IV, совместили два кода: изображение «шапки Мономаха» и изображение пятилучевого венца, выступающего в ЛЛС иконографическим обозначением царской власти. Перед началом церемонии венчания символом царства выступает «шапка Мономаха», а уже в момент церемонии она превращается в царский венец. Последовательное соблюдение этого единства двух кодов устраняло противоречия между историей Русского царства до 1547 г. и после коронации Ивана IV, однако реалии Ш, С и Ц показывают, что с таким решением не согласился какой-то могущественный редактор (или группа редакторов).

Эти наблюдения существенно развил и нюансировал С.Н. Богатырев, предположивший, что над ЛЛС работало три группы миниатюристов и редакторов миниатюр, из которых одна («консерваторы») изображала Ивана IV до венчания на царство в княжеской шапке, а после – в царском венце, вторая («ревизионисты») отстаивала его прирожденный царский титул, изображая с рождения в царском венце, третья («клерикалы») редактировала миниатюры, устраняя головные уборы на князьях в сакральных контекстах (смерть, благословение иерарха, молитва перед иконой, мощами). Исследователь интерпретировал таким образом ряд случаев устранения редакторами княжеской шапки с головы великого князя Василия III и его детей Ивана и Юрия в сцене посещения великокняжеской семьей Троице-Сергиева монастыря в 1533 г. (Ц, л. 1, 1 об.), замены царского венца Ивана IV во втором

варианте его истории на княжескую шапку (Ц, л. 17 об., 18), появление царского венца на голове Юрия Васильевича, брата Ивана IV (Ц, л. 27 об., 38 об.), и исправление редактором его шапки на корону (Ц, л. 32) . Схема С.Н. Богатырева показывает, что редакторская правка не была однонаправленной и проводилась не одновременно. А следовательно, вокруг символов светской власти на миниатюрах ЛЛС уже в момент их редактирования сформировались расходящиеся и взаимно конкурирующие подходы.

Влияние церковных редакторов, возможно, объяснит перемены на миниатюрах, изображающих князей в сакральном пространстве. Выводы В.В. Морозова, Я. Лехтовирты и С.Н. Богатырева, а также представленные здесь наблюдения за образами великого князя Ивана Ивановича Молодого подводят нас, вслед за С.Н. Богатыревым, к тезису о более или менее продолжительных спорах вокруг ЛЛС в период его создания и на ранних стадиях бытования. По всей видимости, изменить визуальную предысторию царского венца на голове московского монарха и покуситься на изображение великого князя, каковым был Иван Иванович Молодой, мог только венценосный редактор, и мотивом для такого решения могло быть, в первом случае, стремление остаться в истории «исконным» царем, а во втором – желание демонизировать, устранить из истории, визуальное уничтожить правителя, представлявшего собой конкурента на московский престол. Эти редакторские решения находят аналог в антиудельной политике Ивана IV и в Переписке Ивана IV с кн. А.М. Курбским, предков которого царь упрекал в поддержке «собацким своим изменным обычаем» удельных князей, тогда как сам князь в ответ представил заключенного в темницу великого князя Дмитрия Ивановича как законного царя . Однако изученные С.Н. Богатыревым редакторские вторжения в Ц показывают, что визуальный ряд ЛЛС исправлялся неоднонаправленно и неодномоментно, а следовательно, высокопоставленные заказчики на ранних стадиях формирования заключительных разделов свода могли неоднократно обращаться к нему и в какой-то момент принять решение о нерелевантности свода его исходным задачам. Применение бумаги ЛЛС в посольском деле и гипотетическая ссылка на текст ЛЛС в посольской книге по сношениям с Папским Двором показывают, что значительный перерыв работы над ним, если не предполагаемое заказчиками его полное завершение, и включение свода в делопроизводство относится ко второй половине 1570-х – первым годам 1580-х гг. К этому же выводу нас подталкивает – ненадежный, впрочем – аргумент *ex silentio*: ссылок на текст, идентичный хронографическим или летописным разделам ЛЛС в их отличие от других известных официальных памятников письменности 1550-х – 1570-х гг., не обнаружено. Могли ли расхождения между группами создателей и редакторов ЛЛС возникнуть или продолжаться в 1581–1584 гг.?

Отвечая на этот вопрос, вспомним, что острыми вопросами для создателей и редакторов ЛЛС были права удельных князей великокняжеского дома на московский престол, участие царя в делах государства и его царский титул до венчания на царство. Наблюдения за исправлениями миниатюр подтверждаются вторжениями в текст ЛЛС. Дополнения о боярских мятежах позволяют высказать еще одно предположение. Подробное изложение династического кризиса 1553 г., видимо, соответствует росту напряженности в отношениях между царем и наследником престола или возникшей неопределенностью в выборе наследника. Основная мысль крупнейшей приписки ЛЛС – в обязанности придворных целовать крест царю и его преемнику. Сама эта процедура допускает, что наследник может быть назначен самим царем, и мы вправе предположить, что текст приписки возник в момент противостояния царя с царевичем Иваном Ивановичем или уже после его смерти, когда царь размышлял, кому передать престол. Нельзя исключать и ту возможность, что благодаря приписке царь хотел напомнить о своих правах, когда у него уже родился в браке с М.Ф. Нагой царевич Дмитрий, и возник вопрос о его признании в качестве наследника.

Мог ли понадобиться ЛЛС в борьбе за престолонаследие? Видимо, при ответе на данный вопрос необходимо обратиться к визуальным аргументам в борьбе за власть и титул

царя в правление Ивана IV. Уже на рубеже 1553–1554 гг. в доказательство царского статуса Ивана и его предков использовались иконы. На переговорах с литвинами московские представители доказывали право на царский титул, ссылаясь в числе прочего на иконы князя Владимира Святославича: «а как преставился, ино и образ его на иконах пишут царем». С конца XV в. образ Владимира в царском венце и в окружении Бориса и Глеба, видимо, получает распространение в Москве и в описываемую эпоху встречается на иконе «Благословенно воинство Небесного Царя». Иван IV в 1577 г. напишет князю А.И. Полубенскому, что «скифетродержание в Росийской земле» производится «от сего великого Владимира, иже во святом крещении Василия, иже царским венцом описуется на святых иконах». В этих ссылках показательно, что свой царский статус Иван IV на всем протяжении борьбы за его признание Польшей и Литвой обосновывает ссылками на церемониальные воспроизведения иконы первого христианского русского князя, и более того – первого, по хронологии правления, святого князя. С.О. Шмидт считает, что обращение Ивана IV к ЛЛС и создание приписок в С и Ц приблизительно современны его Второму посланию кн. А.М. Курбскому и могут относиться к концу 1577 г. Действительно, для создания посланий, разосланных в ходе Ливонского похода 1577 г., и последующего осмысления успехов царского войска как следствия божественной милости могли потребоваться и иконы, и парадные лицевые рукописи, и предшествующие письма Ивана IV (в том числе его Первое послание Курбскому, в котором видны заимствования из Хронографа и официальных летописей). Впрочем, на мой взгляд, 1577 г. – не единственный момент, когда могли быть созданы приписки к ЛЛС.

С другой стороны, 30 января 1557 г. Феодорит Кольский отправился в Константинополь с синодиком русских князей, среди которых были «благочестивая царица Анна грекиня» и «благочестивый царь и великий князь Владимир Манамах». Владимир Святославич здесь царем не показан, хотя еще за три года до того его иконы в царском венце предъявлялись литвинам как существенный аргумент в пользу прав Ивана IV на царский титул. Листы ЛЛС с миниатюрами, изображающими правление Владимира I, не сохранились, однако в житии Александра Невского ЛЛС на л. 898 Лаптевского тома он – в пятилучевом царском венце. Владимир Святославич в правление Ивана IV, по замечанию Я. Лехтовирты, оттесняет на второй план Владимира Мономаха, который не был удостоен изображения в росписи кремлевского Архангельского собора и был изображен в ЛЛС в особой княжеской шапке, отличающейся тем не менее от царского венца. И вместе с тем исследователи в ряде случаев отмечали в официальных московских памятниках середины XVI в. сращение образов Владимира Святославича и Владимира Мономаха, из-за чего сохранялась неясность в идентификации Владимира I и определении его титула.

На Владимирях московская дипломатия не останавливалась. После Александра Невского, русское прошлое венчанными царями. Не позднее середины 1561 г. царем начинает считаться основатель русского княжеского рода Рюрик, к началу 1580- Иван III и Василий III. Если бы Иван IV увидел всех этих князей в княжеских шапках, ему бы пришлось испытать то расстройство, которое могло привести к переработке отдельных листов ЛЛС. Косвенным последствием этих неурядиц мог быть и перенос листов с текстом истории правления Владимира Мономаха (они содержатся в Голицынском томе РНБ IV.225 и Лаптевском томе РНБ IV.233), и утрата листов, описывающих русские события с древнейших времен до 1114 г. (после текста Лицевого хронографа РНБ IV.151 и перед изложением Голицынского тома РНБ IV.225), и незаконченные работы над историей правления Ивана IV (в С и Ц). Таким образом, визуализация всемирной и русской истории была актуальной задачей, от решения которой зависело признание царского титула московских великих князей другими государствами и обоснование исключительных прав Ивана III, Василия III и Ивана IV на московский престол в противовес всем побочным ветвям великокняжеского рода. Возможно, с теми же целями обратились к ЛЛС мастера, дополнившие галерею царственных образов, фигурой Федора Ивановича. Остается открытым вопрос, предпринимал ли какие-то усилия по воссозданию ЛЛС Борис Годунов, чьи мастера ориентировались на сходные художественные

стандарты, развивая их, возможно, уже только за пределами этого династического символа потомков Ивана III.

Ранняя изобразительная традиция

ЛЛС создавал своеобразный визуальный канон всемирной истории. Впервые вопрос о возможности полномасштабного изображения «исторических кашун» возник на Стоглавом соборе, и решение было положительным. Допуск главы Посольского приказа, признанного западными партнерами России канцлером, дьяка И.М. Висковатого к обсуждению визуального ряда, представляющего в Сенях и Золотой палате представления московских политиков о роли Москвы во всемирной истории, да и в устройстве Вселенной, показывает, что в этом вопросе церковь не была монополистом. Пуризм и традиционализм Висковатого не были поддержаны, но сам факт созыва церковного собора и вынесения приговора против мятежного дьяка свидетельствует о том, что визуальный ряд, представляющий движение империй от древнего Израиля до Москвы, передачу регалий имперской власти и круг святых правителей от израильских царей до Ивана III, был подвержен тщательной ревизии посольского ведомства. Происходило это как раз на фоне обсуждения ключевых вопросов имперского статуса России. После завоевания Казани и накануне подчинения наследницы Великой орды, Астраханского ханства, чей статус в Москве был намеренно принижен и низведен до уровня обновленной древнерусской Тмутаракани, возникала перспектива полного подчинения постордынских анклавов и превращения царя в полноправного наследника великой империи. Одновременно оказывалось все более сильное давление на Польско-Литовское государство с целью принудить Сигизмунда II Августа признать царский титул Ивана IV (в том числе с использованием икон с изображением коронованного князя Владимира Святославича) и на Орден, от которого в это же время была потребована Юрьевская дань, позднее послужившая предлогом для развязывания войны за полное подчинение Ливонии. Не исключено, что на этом же фоне был проведен ряд мер по укреплению основ Российского царства – были проведены работы по составлению Государева родословца и Летописца начала царства. Вряд ли эти памятники, возводящие первый напрямую, а второй по самой идее истоки современного правления к мировым империям, были обособлены от комплекса текстов и визуальных рядов, отразившихся на росписи обновленных кремлевских Сеней и Золотой палаты.

Ориентиром для дипломатов должны были служить библейские, кос-мографические, хронографические и летописные тексты. Две из них упомянуты во время переговоров с Данией в 1559 г., когда потребовалось доказать послам Христиана III, что датские правители не имеют прав на ливонские владения. Объяснение было найдено в словах летописного памятника (это была книга в двух томах, которую прямо во время переговоров велел принести Висковатый), сходного с Воскресенской летописью, о том, что еще князь Ярослав Владимирович (Мудрый) в 6035 г. (526-527 гг. от Р.Х.) занял Ливонию, построил Юрьев, а в нем православную церковь св. Николая. Дата могла быть результатом ошибки или преднамеренной попытки Висковатого и его коллег удревнить право Киева, а значит – Москвы, на предмет притязаний датского монарха. Но ошибка здесь показательна – она отличается ровно на 500 лет от той даты возникновения Юрьева, которая известна по Воскресенской летописи. В нашем распоряжении нет ранних разделов ЛЛС, изоб-ражающих русскую историю до начала XII в., и невозможно сказать, как именно читался этот сюжет в ЛЛС. Но показательно, что в этом случае, как и в ссылке Ивана Грозного на события 6660 г., в дипломатических отношениях принялись редакторские вторжения, которые вносили составители Воскресенской летописи в древнерусские летописные своды.

К числу других памятников, отразивших сходные тенденции, должна была относиться также Степенная книга, работы над которой начались тогда же – около 1554–1555 гг., видимо, под руководством митрополита Макария, и проводились при участии центральных кремлевских книжных центров, в том числе, по всей видимости, домового храма великих князей, Благовещенского собора, и Чудовского монастыря. Впрочем, использование Степенной

книги в дипломатии второй половины XVI в. ничем не доказано, хотя отрывки из нее были внесены в ЛЛС.

После церковного собора, поддержавшего новые иконы в Кремле и осудившего в 1554 г. дьяка И.М. Висковатого, канонических препятствий к созданию исторических миниатюр не было, а дипломатические споры о роли России во всемирной истории и переходе имперской власти в Россию могли благодаря такому канону получить более благоприятное для московского престола завершение. Иконография конца XVI – начала XVII в. показывает, что эта роль ЛЛС была признана московскими иконописцами и миниатюристами.

Комплекс заимствований из ЛЛС обнаружил Н.П. Лихачев – среди них была названа Псалтирь 1591 г. В.Н. Щепкин последовательно отстаивал новгородское происхождение изобразительной техники ЛЛС, и прежде всего, влияние на него рукописей из мастерской митрополита Макария, а также выдвинул тезис о последующей трансляции этой техники на лицевые Годуновские Псалтири (особенно рукописи из костромского Ипатьевского монастыря). Ю.А. Кожина добавила к этому комплексу ранних рефлексов ЛЛС Евангелия 1603 и 1605 гг. Ю.А. Неволин развил наблюдения В.Н. Щепкина и высказал гипотезу о новгородском происхождении создателей миниатюр ЛЛС, знакомых с гравюрами М. Вольгемута в «Хронике» Г. Шеделя, учеников А. Дюрера Г. Пенца и Х.З. Бехама, а также иллюстраций Г. Гольбейна Младшего, Л. Кранаха, Й. Брея.

К изобразительной традиции ЛЛС относятся также настенные росписи. Н.В. Удралова показала сходство иконного цикла Деяний Троицы в росписи церкви в Больших Вяземах с миниатюрами ЛЛС и с иконографией «Троицы» на створках к иконам «Троица» Андрея Рублева и «Троица» из Ипатьевского монастыря. Н.В. Квливидзе развила наблюдения коллеги и пришла к выводу, что в росписи храма Троицы в Больших Вяземах полностью отсутствуют новозаветные сюжеты. На эти фрески повлияла роспись кремлевских Архангельского и Благовещенского соборов, тогда как программа ее росписи восходит к ЛЛС: «Все сюжетные композиции и роспись центрального купола воспроизводят буквально или с небольшими переработками миниатюры первого тома Лицевого летописного свода». Источником заимствований послужили листы ГИМ. Муз. № 358, л. 2–10 об., 39 об.–45 об. Заимствования из ЛЛС обнаружены также в Ипатьевской рукописи 1594 г. (ГТГ. ДРИ. № 535) и Псалтири из Новодевичьего монастыря (РГБ. Ф. 218. № 78), что свидетельствует, по замечанию Н.В. Квливидзе, «об активном использовании миниатюр Лицевого летописного свода в художественной мастерской, выполнявшей заказы Годуновых». Впрочем, и в данном случае сохраняется препятствие для уверенных выводов. Как показывают данные работы, ориентиры для иконописцев конца XVI – начала XVII в. сформировались в начале 1550-х гг. Однако датировать сам ЛЛС или замысел его создания этим временем нет оснований. Следовательно, нельзя исключать, что ЛЛС восходит к общему источнику с росписями Вяземской церкви, Ипатьевской рукописью и Псалтирью из Новодевичьего монастыря.

Сходные трудности возникают при изучении источников иконы «Ни-кола в рост с житием» второй половины XVI в. из Псковского музея (НВ 351). Высказывалось предположение, что таким источником являются миниатюры ЛЛС. Более 400 миниатюр Лицевого жития содержится в сборнике из собр. Т.Ф. Большакова, связь которого с ЛЛС доказана А.Е. Викторовым, Н.В. Султановым и Н.П. Лихачевым. Композиция средника иконы традиционна для образа «Никола Зарайского» и известна с XIV в., в том числе на иконах псковского происхождения. Нетипичны тщательно выполненные клейма №№ 9, 11, 12, 13 чуда о юноше. Девятое – исцеление юноши, одержимого «демонским мучением» (использованы 3 миниатюры ЛЛС). Одиннадцатое – о константинопольском купце «некоем муже Епифане» и его слуге (2 миниатюры из 10-ти ЛЛС). Двенадцатое и тринадцатое клейма – о пленном половчине и киевском купце Добрыке (5 миниатюр ЛЛС). Убедительно обосновать последовательность заимствования в данном случае вряд ли возможно. Еще В.Н. Щепкин, анализируя МС, показал, что некоторые его миниатюры выполнены в традициях новгородской школы иконописи.

Можно вспомнить также, что вызвавшие возмущение И.М. Висковатого кремлевские иконы создавались при участии псковских мастеров. На фоне такой активности новгородских и псковских изографов в развитии московской иконописи середины XVI в. было бы осторожнее, на наш взгляд, допускать общий источник иконы «Никола в рост с житием» и сходных с данной иконой миниатюр ЛЛС.

Выводы

Систематизируя вышеизложенные достижения историографии и наши наблюдения, постараемся в заключительных ремарках подвести итог проблеме ранних культурных контекстов, в которых бытовал Лицевой свод, и высказать предположения в развитие тех, что уже были изложены. Прежде всего, достижения кодикологии, и особенно филиграноведения, показывают, что Лицевой свод создан на отборной бумаге приближенными к царскому двору и государственному делопроизводству книжниками. В дискуссиях о последовательности использования сходной бумаги для ЛЛС и для других книжных проектов – делопроизводственной документации, Макарьевских Миней или Псалтири и Часовника А. Невежи всегда сохраняется три возможности: что значительные комплексы бумаг выделялись одновременно на ЛЛС и какие-то еще проекты, что на первом плане был ЛЛС или что на первом плане были какой-то другой проект. Однако предположение о близости ЛЛС к печатному делу Александровой слободы и Посольскому приказу, в целом, надежно подкреплено филигранологическими исследованиями. Возможно, что именно там и следует искать не только создателей, но и первых читателей и зрителей Лицевого свода.

Возможное заимствование из ЛЛС в сентябрьском послании Ивана IV 1581 г. служит признаком близости свода к дипломатическому контексту, который формировался за счет строгого выполнения церемониальных чиннов и иконографической визуализации. В нашем распоряжении нет ни одного примера, когда бы свод или подобные ему памятники в XVI в. становились предметом дискуссий на посольских церемониях, однако еще в 1560-е гг. между послами Сигизмунда II Августа и Ивана IV неоднократно вспыхивали споры о том, как толковать прошлое русских земель. В том числе московская дипломатия отстаивала прямую преемственность московской власти от киевской, исконное историческое право Ивана IV на царский титул, зависимость Ливонии от киевских князей, начиная с Ярослава Мудрого, зависимость полоцких князей от киевских с XII в., неподверженность Москвы татарским разрушениям и т. д. Призывы дипломатических партнеров обращаться к истинным летописям показывали, что в области исторической памяти в Москве сохранялась значительная лакуна, которую к тому времени в Польско-Литовском государстве заполнили популярные «Записки о Московии» С. Герберштейна, хроники М. Меховского, М. Бельского, М. Кромера, а также поморские и немецкие хроники, литовско-русские летописи и историческая публицистика. Московские летописи при этом то ли игнорировались, то ли были плохо известны польско-литовской стороне.

Эпистолярный конфликт между Иваном IV и Стефаном Баторием разворачивался на новом витке этого противостояния образов прошлого. Королевские интеллектуалы высмеивали московские легенды «Сказания о князьях владимирских» и планомерно, на исторических примерах, разрушали аргументы Москвы в пользу преемственности царской власти по магистрали Рим – Константинополь – Киев – Владимир – Москва, называя московских летописцев лживыми баснописцами («басней бахорьями»). Когда царю была прислана подшивка с сочинениями С. Герберштейна, А. Гваньини и А. Кранция, польская сторона ясно обозначила свои точки опоры. В Москве такими аргументами, как правило, являлась посольская аргументация. К летописям и хронографам иностранных представителей допускали неохотно и только в качестве самой крайней меры. Начиная с 1550-х гг. наглядной историей для московской дипломатии служили не летописи и хроники, а иконы – роспись Сеней и Золотой Палаты московского Кремля, фрески кремлевских храмов, образа с ликами святых князей.

Московский дипломатический арсенал медленно реагировал на вызовы извне, а сами дипломатические служащие, окружение царя и сам Иван Васильевич неохотно раскрывали карты, даже когда им адресовались прямолинейные запросы на подтверждение тех или иных исторических тезисов. Обнаруженное Б.Н. Флорей упоминание послания кн. А.М. Курбского в посольской книге за 1579 г. показывает, что много лет спустя после написания его Первого послания царю (а речь идет в посольском наказе именно о Первом послании Курбского) господареву изменнику вменялось в вину только то, что он обратился к Ивану IV «невежливо». Нами было обнаружено еще одно почти идентичное упоминание послания Курбского в посольской книге за 1581 г. К этому времени, да и позднее, в Посольском приказе не было информации о существовании каких-либо еще сочинений Курбского, да и содержание самого Первого послания не вызывало никаких комментариев. Показательно, что и в Лицевом своде фигура Курбского как бы «заморожена», она целиком позаимствована из официального летописания, и нет следов какого-либо знакомства составителей и редакторов свода с его текстами.

Данные ЛЛ/АНЛ и наблюдения исследователей за редакторской работой над текстом и миниатюрами ЛЛС могут иметь общую тенденцию. Объем текста ЛЛ/АНЛ показывает, что ЛЛС был продолжен в правление царя Федора Ивановича, тогда как концепция трех противостоящих друг другу групп редакторов ЛЛС, выдвинутая С.Н. Богатыревым, позволяет увидеть за правкой конфликтную и, вероятно, продолжительную работу, так и не увенчавшуюся раскраской окончательной версии спорных миниатюр свода. Значит ли это, что работы над ЛЛС продолжались на рубеже 1570-х и 1580-х гг.? Может быть, и составляя свои послания Стефану Баторию, Иван Грозный все еще не имел в своем распоряжении готового текста свода, а мог только воспользоваться его отдельными завершенными листами, чтобы восполнить пробел в дипломатической дуэли? Развивая концепции Н.П. Лихачева, С.О. Шмидта, А.А. Амосова, В.В. Морозова, мы можем, по крайней мере, представить сценарий, при котором завершение работ над ЛЛС превратилось в долгий процесс, затянувшийся на месяцы или на годы.

Этому построению как будто не противоречат и данные о рецепции визуального ряда ЛЛС. Сходства ЛЛС с памятниками «Годуновского Ренессанса», обнаруженные и обоснованные В.Н. Щепкиным, Н.П. Лихачевым, Ю.А. Кожинной, О.И. Подобедовой, Н.В. Удраловой, Н.В. Квливидзе и др., намечают две возможности. Либо непосредственно Лицевой свод оказал определяющее влияние на книжную миниатюру и иконы конца XVI – начала XVII в., и в таком случае было бы логично видеть в самом этом влиянии реализацию интенции его создателей. Либо же в основу Лицевого свода и рассматриваемых памятников миниатюры и иконописи положен некий общий для них принцип, сформулированный еще в окружении Макария в его бытность новгородским архиепископом или уже на московских церковных соборах рубежа 1540-х – 1550-х гг. Во втором случае интенция ЛЛС может быть каким-то образом связана с задачей создания визуального канона исторических картин, и прежде всего, тех образов, которые еще не имели своей изобразительной традиции.

При всей внешней несхожести проблем дипломатии с проблемами визуализации исторического прошлого, между ними нет непроходимой грани. В общем, этот путь рассуждения может оказаться еще одним звеном в прояснении того положения дел, при котором в один исторический момент российские посольские служащие начинают ссылаться на иконопись в борьбе за царский титул, а лидер – или один из лидеров – Посольского приказа выступает в качестве главного критика новой кремлевской росписи, не страшась противостояния с митрополитом и освященным собором. Дело было вряд ли только в поддержке со стороны царя или могущественных советников Избранной рады. Речь шла и тогда, и позднее о возможности визуально представить предметы особых забот лидеров посольского дела, которые могли выступать и в качестве инициаторов, цензоров, корректоров визуальной памяти Российского царства.

Поиск в этом же направлении позволил бы переосмыслить и причины свертывания работ над ЛЛС, и причины их последующего, хотя и недолгого, возобновления. Военно-дипломатические события второй половины 1570-х гг. требовали финального аккорда, наподобие того, которым стал Полоцкий поход для составителей Степенной книги. Б.М. Клосс точно отметил победный тон ЛЛС по отношению к окружающим «безверным» народам. Таким финальным аккордом, который показал бы, что в правление Ивана IV исполняются величайшие замыслы и пророчества мировой истории, так и не стали события в Ливонии 1577 г. Возможно, что основные редакторские работы около 1577–1581 гг. были сосредоточены на представлении великокняжеской и удельной власти в московском прошлом. Но окончательный удар по ЛЛС на этом этапе работ был нанесен, видимо, позднее – когда, обмениваясь письмами со Стефаном Баторием, царь обратился к своду и высказал (тогда или позже) недовольство по поводу изображения в нем боярских заговоров и династического кризиса 1553 г. Пометы царя требовалось учесть, внести в основной текст, создав новую версию истории, проведя новую разметку для составления миниатюр и т. д. Вряд ли после смерти царевича Ивана Ивановича подобные работы могли вестись активно, да и самого царя и его окружение вряд ли продолжал интересовать поиск точки или многоточия в истории его правления. Поэтому поиски и возобновились с новой силой уже в правление Федора Ивановича и, возможно, под фактическим наблюдением Бориса Годунова.

Early traces the reception Personal chronicle

K.Y. Erusalimskiy,

Doctor of History, Professor of Russian State Humanitarian University.

This article focuses on the special problem of the connection of various historical, philological, textual, codification and artistic approaches. Also, this article examines the centuries-old tradition of studying the Illuminated Chronicle in domestic science involving reasoning sometimes arguing among themselves the authors to show the reader a wide range of problems concerns the chosen theme.

Key words: Chronicles, reception, tradition of studying
